

Д.Н. Анучин

**К вопросу о диких лошадях и
об их приручении в России**

**(По поводу статьи Ф.П.Кеппена
"К истории тарпана в России")**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 57
ББК 28
Д11

Д11 **Д.Н. Анучин**
К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России: (По поводу статьи
Ф.П.Кеппена "К истории тарпана в России") / Д.Н. Анучин – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 82 с.

ISBN 978-5-518-04600-9

ISBN 978-5-518-04600-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

были уже значительно помѣшаны съ одичалыми домашними лошадями, и, какъ особый видъ или порода, близки къ вымиранію. Французскіе и нѣмецкіе зоологи все еще говорятъ о тарпанѣ, какъ о существующей дикой расѣ, но это—весьма сомнительно. Повидимому, теперь (то-есть въ 80-хъ годахъ) существуетъ только одна порода дѣйствительно дикой лошади, именно та, которую встрѣтилъ Пржевальскій въ Центральной Азіи, около Лобъ-Нора, или точнѣе, о которой онъ слышалъ отъ туземцевъ. По ихъ показаніямъ, всѣ эти лошади гнѣдые и имѣютъ черную гриву и длинный черный хвостъ. Въ Зайсанскомъ посту Пржевальскій приобрѣлъ шкуру и черепъ одного жеребенка этой породы, которые и были переданы имъ въ послѣдствіи Музею Академіи Наукъ. Чтобы дать проф. Нерингу понятіе объ этой лошади, я послалъ ему оттыскъ статьи объ ней И. С. Полякова, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Географическаго Общества“, за 1881 г. (съ рисункомъ), указавъ при этомъ, что, судя по черепу, описанный экземпляръ еще очень молодой, не способный дать полнаго понятія о типѣ взрослаго животнаго. Вотъ и все содержаніе моего письма, которое проф. Нерингъ призналъ на столько любопытнымъ, что привелъ его цѣликомъ въ своей статьѣ: „Fossile Pferde aus deutschen Diluvial-Ablagerungen und ihre Beziehungen zu den lebenden Pferden“, помѣщенной въ „Landwirthschaftlichen Jahrbüchern“, за 1884 годъ, и которое вызвало, 12 лѣтъ спустя, такое старательное опроверженіе, по пунктамъ, со стороны г. Кенпена.

Г. Кенпенъ приводитъ вкратцѣ содержаніе моего письма и полнѣе опровергаетъ всѣ его показанія. „Профессоръ Анучинъ — замѣчаетъ онъ — начинается съ того, что нѣтъ ни одного скелета тарпана. (Какъ мы видѣли, *впослѣдствіи* описаны И. Д. Черскимъ два такихъ скелета)“. Совершенно вѣрно, что *впослѣдствіи* (именно въ 1891 году), были описаны Черскимъ—не два впрочемъ—а одинъ скелетъ, да еще одинъ черепъ, но вѣдь въ 1883 году я не могъ предугадать, что послѣдуетъ такое описаніе, и что окажутся такіе остатки тарпана. „Затѣмъ,—продолжаетъ г. Кенпенъ,—сообщаются (Анучинымъ) нѣкоторыя, хотя очень неполныя, литературныя указанія, ограничивающіяся главнымъ образомъ Гмелинымъ, Палласомъ и Рычковымъ, причемъ заявляется о нѣкоторомъ несогласіи въ опредѣленіи масти шерсти. (Мы видѣли, „что, напротивъ того, огромное большинство многочисленныхъ показаній согласно въ томъ, что настоящіе тарпаны имѣли мышастую шерсть)“. Для моей цѣли, въ частномъ письмѣ было достаточно сослаться на показанія такихъ натурали-

ство, какъ Гмелинъ и Палласъ, и такого знатока Оренбургскаго края, какъ Рычковъ; ничего существенно новаго не прибавили и послѣдующія описанія (до 1884 года). Что же касается вопроса о „мышастой шерсти“ и о „настоящихъ“ тарпанѣхъ, то объ этомъ я поговорю подробнѣе ниже. „Далѣе сообщены (въ письмѣ Анучина) не совсѣмъ точныя показанія о тарпанѣ, который былъ уступленъ Московскимъ зоологическимъ садомъ Императорской Академіи Наукъ“. Неточность моя состояла въ томъ, что я выразился „остатки тарпанана“. тогда какъ въ дѣйствительности былъ уступленъ живой тарпанъ, „который жилъ тамъ еще нѣсколько лѣтъ“. Въ этой неточности я винюся; произошла она оттого, что точныхъ свѣдѣній объ этомъ экземплярѣ тарпана мнѣ разыскать тогда не удалось, а по рассказамъ—одни говорили, что онъ былъ отосланъ живымъ, а другіе,—что уже трупомъ. Послѣднее мнѣ показалось вѣроятнѣе, потому что,—думалъ я,—гдѣ же Академія могла содержать эту лошадку. Въ дѣйствительности, однако, какъ оказалось потомъ, она была отдана одному изъ академиковъ, который и держалъ ее у себя на дачѣ ¹⁾. Но, во всякомъ случаѣ, экземпляръ этотъ не обратилъ на себя особаго вниманія. Академикъ Брандтъ, въ письмѣ къ одному изъ тогдашнихъ членовъ Общества Акклиматизаціи, выразилъ свое разочарованіе тѣмъ, что называлъ присланнаго тарпана „скверной крестьянской лошадею“. Печатно имъ было засвидѣтельствовано, что лошадка эта „не обнаруживала ни цвѣта, ни другихъ признаковъ дикихъ породъ лошадей“. Академикъ Вэръ тоже заявилъ (въ засѣданіи 14-го ноября 1869 г. Дерптскаго Общества естествоиспытателей), что „лошадка эта имѣла слѣды бывшихъ подковъ и потому могла считаться недавно вырваншеюся на свободу“ ²⁾. Въ виду такихъ отзывовъ позволительно было усомниться въ томъ, чтобы послѣ смерти этого экземпляра, остатки его, въ видѣ чучела или скелета, были сохранены, тѣмъ болѣе, что о нихъ не упоминаетъ (въ 1881 г.) и Поляковъ въ своей статьѣ о лошади Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*), не смотря на то, что для сравненія съ описаннымъ имъ экземпляромъ онъ воспользовался всѣми матерьялами (по дикимъ осламъ и лошадямъ), имѣвшимися въ его время въ Зоологическомъ Музеѣ

¹⁾ По словамъ Радде (*Brehm, Thierleben, 2-te Ausgabe, Bd. III, 1880*), лошадь эта была признана одичавшею и подарена одному любителю (?).

²⁾ Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat. III Band. Dorpat 1874, S. 34.

Академіи Наукъ. Только изъ монографіи Черскаго, 1891 года ¹⁾ стало извѣстнымъ, что хранящійся въ академическомъ музеѣ скелетъ крымской лошади есть именно скелетъ тарпана, отъ того экземпляра, который былъ переданъ въ 60-хъ годахъ Академіи Московскимъ зоологическимъ садомъ.—„Затѣмъ—продолжаетъ свои опроверженія г. Кеппенъ,—г. Анучинъ утверждаетъ, что о тарпанахъ, послѣ этого, не было болѣе рѣчи. (Между тѣмъ, въ томъ же самомъ 1884 году, когда было напечатано письмо проф. Анучина, появилось замѣчательное „Сообщеніе о тарпанахъ“ І. Н. Шатилова, которое, по выраженію Черскаго, поставило „пошатнувшійся было вопросъ о тарпанахъ на болѣе реальную почву“. Не могу не обратить вниманія на то обстоятельство, что проф. Анучинъ, повидимому, ничего не зналъ о содержавшемся въ Московскомъ зоологическомъ саду тарпанѣ (Херсонскомъ),—не смотря на то, что онъ самъ, въ то-же самое время, жилъ въ Москвѣ“). Опять долженъ повторить, что письмо мое было написано въ 1883 году и было напечатано Нерингомъ въ его статьѣ, въ 1884 году. Въ то время я никакъ не могъ предугадать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г. Шатиловъ доставитъ въ зоологическій садъ новаго тарпана—мерина, прожившаго въ Ново-Воронцовской экономіи, въ неволѣ, 18 лѣтъ, что этотъ экземпляръ будетъ подробно описанъ, а нѣсколько лѣтъ спустя и его черенъ—г. Черскимъ. Опровергать мои показанія послѣдующими фактами довольно странно; слѣдовало бы скорѣе обратить вниманіе на то, что столь обстоятельный натуралистъ, какъ Черскій, тоже признавалъ, что до появленія въ 1884 году „Сообщенія“ г. Шатилова, вопросъ о тарпанѣ былъ „пошатнувшимся“, какимъ считалъ его и я, въ 1893 г. ²⁾. Непонятно также, на какомъ основаніи г. Кеппенъ высказываетъ предположеніе, будто я ничего не зналъ о присланномъ въ 1884 году г. Шатиловымъ тарпанѣ, не смотря на то, что я жилъ тогда самъ въ Москвѣ. Ниже я постараюсь доказать г. Кеппену противное, но все это не имѣетъ отношенія къ моему письму, написанному мѣся-

¹⁾ Черскій. Описаніе коллекціи послѣтретичныхъ ископающихъ животныхъ, собранныхъ Ново-Сибирскою экспедиціею 1885—86 гг. С.-Пб., 1891.

²⁾ Кроме того, эта „реальная почва“, по Черскому, состоитъ лишь въ томъ, что „Сообщеніе“ г. Шатилова, „далеко не предприняла проблему изъ (тарпановъ) происхожденія“, убѣждаетъ насъ только въ томъ, „что и въ наше время (1866 г.) въ степныхъ мѣстахъ южной Россіи, попадались странствующие косяки лошадей (отъ 7 до 9 штукъ), не имѣющихъ хозяевъ, при чемъ по цвѣту шерсти лошадямъ эти близки къ тарпанамъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ описывалъ Гмелинъ“.

цевъ за 8—9 до появленія въ Москвѣ Шатиловскаго тарпана. „Проф. Анучинъ указываетъ далѣе на то, что пространство южной Россіи на столько заселено, что гдѣ-нибудь уцѣлѣвшіе тарпаны не могли бы остаться незамѣченными. (На самомъ дѣлѣ, какъ выше изложено, показанія о существованіи тарпана на Херсонскихъ и Таврическихъ степяхъ повторялись до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія)“. Какія же показанія о тарпанѣ извѣстны намъ за время съ 1862 года (когда былъ доставленъ въ Московскій зоологическій садъ живой экземпляръ, уступленный въ 1863 году Академіи Наукъ) по 1883 годъ (время написанія моего письма проф. Нерингу), то-есть за періодъ въ 21 годъ? Изъ подробнаго свода извѣстій, приведенныхъ самимъ же г. Кеппенемъ, видно, что за все это время о тарпанахъ появилось только одно показаніе, самого же Кеппена, въ его „Замѣткахъ при поѣздкѣ по Таврической губерніи“, помѣщенныхъ въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* за 1865 годъ, да и оно заключалось только въ томъ, что „въ августѣ 1864 года, въ бытность его (г. Кеппена) въ г. Алешкахъ, г. Зеленкевичъ сообщилъ ему, что въ 1861 году онъ видѣлъ еще жеребенка чистой дикой породы въ Князь-Григорьевкѣ, у управляющаго имѣніемъ г. Рахманова“. Вотъ и всѣ, яко-бы „повторяшіяся“ показанія!—„Впрочемъ, проф. Анучинъ соглашается съ тѣмъ, что въ прежнія времена (напримѣръ, въ XII-мъ столѣтіи) тарпаны существовали въ южной Россіи, но оспариваетъ продленіе этого существованія до новѣйшаго времени; по его мнѣнію, если тарпаны еще существовали въ XVIII столѣтіи, то они, въ это время, были уже сильно смѣшаны съ одичалыми лошадьми и, во всякомъ случаѣ, были близки къ вымиранію, въ видѣ особой породы. (Съ этимъ замѣчаніемъ можно согласиться, съ тѣмъ однако же ограниченіемъ, что тарпаны, какъ особая порода, просуществовали еще *слишкомъ* цѣлое столѣтіе)“. То-есть какъ-же это „слишкомъ цѣлое столѣтіе“? Послѣ XVIII вѣка прошло покуда 95 лѣтъ, а послѣдній описанный экземпляръ тарпана былъ пойманъ въ 1866 году?!

Свой разборъ моего письма г. Кеппенъ заканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: „Изъ прибавленныхъ мною, въ скобкахъ, примѣчаній къ отдѣльнымъ пунктамъ, заключающимся въ письмѣ Д. Г. (?) Анучина, явствуетъ, что почти всѣ его показанія опровергаются выше сообщенными подробными и, по возможности, точными данными объ очень недавнемъ еще существованіи въ южной Россіи тарпановъ, какъ самобытной и самостоятельной породы“. Мы видѣли уже въ чемъ заключаются эти опроверженія. Непонятно, какую цѣль имѣлъ г. Кеп-

пенъ, подвергая столь придирчивому разбору частное мое письмо, напечатанное безъ моего вѣдома, 12 лѣтъ тому назадъ, проф. Нерингомъ. Впрочемъ, г. Кеппенъ оправдываетъ свою придирчивость ссылкою яко-бы, на мой „авторитетъ“. „Въ виду авторитета этого ученаго, я считаю долгомъ остановиться на показаніяхъ и соображеніяхъ его, высказанныхъ въ письмѣ профессору А. Нерингу“. Остановиться затѣмъ, чтобы опровергнуть, чтобы уничтожить, очевидно нѣмнѣй „авторитетъ“? Чтожъ, и это имѣло бы нѣкоторое основаніе, если бы дѣло шло о какомъ нибудь дѣйствительномъ авторитетѣ и если бы для этого было избрано другое средство, чѣмъ опроверженіе фактами, получившими извѣстность лишь впоследствии..

Странно однако, что ссылаясь на мой „авторитетъ“ и подвергая такому придирчивому разбору написанное мною, 12 лѣтъ тому назадъ, частное письмо, г. Кеппенъ, совершенно умалчалъ о моей специальной работѣ: „Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи“,—работѣ, напечатанной въ 1886 году, то-есть, два года спустя послѣ опубликованія моего письма. и въ которой я, на девяти страницахъ in 4°, говорю и о древнѣйшей исторіи лошади въ Европѣ и Россіи ¹⁾. Повидимому, статья эта осталась совершенно неизвѣстною г. Кеппену, что довольно странно, судя по тому, какъ онъ старался о подборѣ всѣхъ относящихся къ интересующему его вопросу источниковъ. Въ виду очевиднаго не знакомства г. Кеппена съ специальною литературой по древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ указанномъ трудѣ.

Вопросомъ о происхожденіи домашнихъ животныхъ я началъ интересоваться еще въ 70-хъ годахъ, ознакомившись съ изслѣдованіями Рютимейера, Натузіуса, Геттелейса, Сансона и другихъ по этому предмету, но у меня не было собственнаго матеріала, изъ Россіи, для того, чтобы заняться этимъ вопросомъ самостоятельно. Въ 1879 году, во время бывшей тогда въ Москвѣ Антропологической выставки, проф. А. А. Иностранцевъ предложилъ мнѣ принять на себя описаніе остатковъ рода *Canis*, найденныхъ въ торфяномъ слое при прорытіи новаго Сясьскаго канала. Здѣсь, при земляныхъ работахъ было добыто значительное количество животныхъ и человѣческихъ костей, а также различныя издѣлія изъ камня, кости и рога, относящіяся, очевидно,

¹⁾ Д. Н. Амичи. Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, 34 стр. in 4°, съ таблицей (фототипіей), въ „Трудахъ VI Археологическаго Съѣзда, въ Одессѣ“, гл. I. 1886.

къ эпохѣ каменнаго вѣка. Благодаря настояніямъ проф. Иностранцева, всѣ эти остатки собирались производителями работъ и были потомъ переданы ему для Геологическаго музея С.-Петербургскаго университета. Получивъ возможность издать описаніе всѣхъ этихъ остатковъ, проф. Иностранцевъ принялъ на себя собственно геологическую часть и изученіе человѣческихъ издѣлій, а описаніе костей было предоставлено имъ другимъ лицамъ. На мою долю достались, какъ сказано, остатки рода *Canis*, то-есть, кости собаки, волка и лисицы. Особенное вниманіе обратилъ я на первыя, въ числѣ коихъ имѣлось три болѣе или менѣе полныхъ собачьихъ черепа. Я сравнилъ эти остатки (при помощи измѣреній) съ добытыми изъ свайныхъ построекъ и другихъ отложеній каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Западной Европѣ и описанными Рютимейеромъ, Йеттелейсомъ, Вольджрихомъ, Штудеромъ и другими, а также—съ черепами различныхъ породъ собакъ и волка, имѣвшимися въ Московскомъ музеѣ. Въ результатѣ этой работы явилась довольно большая статья (26 стр. in 4°)¹⁾, въ которой мною были установлены для каменнаго вѣка Приладожья двѣ породы домашней собаки, одна болѣе мелкая, соответствующая „торфяной собакѣ“ (*Torfhund*, *Canis palustris*) швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка, и другая болѣе крупная, подходящая по размѣрамъ отчасти къ описанной Йеттелейсомъ *Canis matris optimae*, отчасти къ изученной Вольджрихомъ *Canis intermedius*²⁾. Первую породу я называлъ *Canis palustris ladogensis*, вторую—*Canis fam. Inostranzewi*. Остатковъ другихъ домашнихъ животныхъ въ коллекціи костей, собранныхъ проф. Иностранцевымъ, не оказалось, такъ что собака была, очевидно, единственнымъ домашнимъ животнымъ на сѣверѣ Россіи въ указанную отдаленную эпоху каменнаго вѣка. Въ то же время описанные черепа являлись и древнѣйшими известными остатками вообще домашнихъ животныхъ въ предѣлахъ Россіи и представляли поэтому существенный интересъ для первобытной исторіи прирученныхъ породъ въ Восточной Европѣ, откуда ранѣе моей статьи не было извѣстно ничего по данному вопросу. Этимъ

¹⁾ *Дручимъ*. „Собака, волкъ и лисица“, глава въ книгѣ проф. Иностранцева „Дополнительный человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“. С.-Пб. 1882, in 4°, стр. 55—81, съ 2 таблицами (фототипіями).

²⁾ Означенныя формы были установлены въ трудахъ: *Rütimyr's*, *Fauna der Pfahlbauten*, *Jettelsis*, въ „Mittheilungen der anthr. Ges. in Wien“, 1872, *Woldrich*, *Ueber einen Haushund des Bronzezeit etc.* въ „Mitth. d. anthr. Ges. in Wien“, Bd. VII, 1877.

объясняется, почему моя статья обратила на себя нѣкоторое вниманіе на западѣ, и данными ея воспользовались потомъ Штудеръ, Вольд-жрихъ, Вилькенсъ и другіе, при своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ той же области ¹⁾.

Интересуясь вопросомъ о расахъ древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ въ Россіи, я искалъ остатковъ ихъ и среди костей изъ другихъ отложеній каменнаго и металлическаго вѣковъ, напримѣръ, изъ извѣстной стоянки у села Волосова близъ Муромъ, также изъ пермскихъ „костищъ“, нѣкоторыхъ кургановъ и т. д., но долго находилъ лишь весьма скудный матеріалъ. Только въ 1884 году мнѣ удалось получить почти полный скелетъ собаки, найденный извѣстнымъ изслѣдователемъ Волосовской стоянки, П. П. Кудрявцевымъ, въ самомъ низу культурнаго слоя, на глубинѣ около 1½ аршина, въ перушенной еще толщѣ и почти непосредственно надъ слоемъ бѣлаго неса, однимъ словомъ, при условіяхъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ его принадлежности каменному вѣку. По своимъ размѣрамъ собака эта оказалась сходною съ „торфяною“ и особенно съ мелкою породой Приладожья, представляя лишь нѣкоторыя отклоненія въ подробностяхъ. Объ этой находкѣ я сдѣлалъ сообщеніе на VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ (въ 1884 году), которое и было развито затѣмъ мною въ статьѣ, помѣщенной въ I томѣ „Трудовъ“ этого съѣзда (вышедшемъ въ 1886 году). Кромѣ вопроса о древнѣйшихъ породахъ собаки въ Россіи, я коснулся въ этой работѣ и первобытныхъ породъ другихъ домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ и лошади. По отношенію къ послѣдней, я указалъ на многія находки лошадиныхъ костей (дикой лошади) въ постпліоценовыхъ отложеніяхъ Западной Европы и Россіи и привелъ рядъ свидѣтельствъ о существованіи дикихъ лошадей и въ историческую эпоху, съ VIII по XVI вѣкъ, а въ Россіи и въ теченіе всего XVIII вѣка и даже позже. Затѣмъ, сообщивъ о двухъ живыхъ экземплярахъ тарпана, доставленныхъ въ Москву, въ 1862 и въ 1884 годахъ, я поставилъ вопросъ—былъ ли

¹⁾ *Studer*. Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bielersee's, въ „Mitth. d. Bern. Naturforsch. Ges.“ 1883; его же „Zwei grosse Hunderassen aus der Steinzeit“ etc., тамъ же, 1893; *Woldrich*, Zur Frage über die Abstammung der europ. Hunderassen, *Anzeiger d. K. K. Akad. d. Wiss.* 1886; *Wilckens*, Die vorgeschichtlichen und Pfahlbau-Hunde. *Biologisches Centralblatt*, Bd. VI, 1886—87. Штудеръ говоритъ, напримѣръ, во второй своей статьѣ (стр. 87): „Das im Osten, am Ladogasee in jener Zeit (Steinzeit) eine kleine Palustris Form und eine grosse Form, Canis f. Inostran-szewi Anutsch. existirte, wissen wir aus den Arbeiten von Anutschin“.

тарпанъ дикой или одичавшей лошадыю. „Спрашивается — представляет ли этотъ тарпанъ прямого потомка той дикой лошади, которая водилась въ Европѣ въ доисторическую и раннюю историческую эпоху, или же его слѣдуетъ считать потомкомъ одичавшихъ домашнихъ лошадей въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчались, напримѣръ, въ историческую эпоху въ Америкѣ. Гмелинъ считалъ тарпановъ, очевидно, дикимъ видомъ; напротивъ того, Палласъ склонился къ мнѣнію, что это потомки одичавшихъ лошадей, принадлежавшихъ калмыкамъ, киргизамъ и другимъ кочевникамъ. Изъ новѣйшихъ натуралистовъ, А. Вагнеръ, Фитцингеръ, М. Н. Богдановъ и И. С. Поляковъ раздѣляютъ мнѣніе Палласа, тогда какъ Эккеръ видитъ въ тарпанѣ типичнаго представителя дикихъ лошадей, какія водились въ Западной Европѣ въ доисторическую эпоху. Рѣшить окончательно этотъ вопросъ довольно трудно, такъ какъ нѣкоторые данныя, напримѣръ мышастый цвѣтъ съ чернымъ ремнемъ на спинѣ и отсутствіе каштанчиковъ или мозолей на заднихъ ногахъ (у экземпляра Московскаго зоологическаго сада), — говорятъ болѣе въ пользу типичности тарпана, какъ особой дикой расы, — тогда какъ другія, напримѣръ, нѣкоторые указанія Рычкова и Палласа, факты дѣйствительнаго одичанія лошадей въ степяхъ Америки и т. д. наводятъ скорѣе на мысль, что мы имѣемъ въ тарпанахъ потомковъ одичавшихъ домашнихъ лошадей. Генъ склоняется къ мнѣнію, что и всѣ другія дикія лошади, о которыхъ упоминается въ историческихъ свидѣтельствахъ, были собственно не дикія, а одичавшія, и подкрѣпляетъ свое мнѣніе соображеніями, которымъ нельзя отказать въ извѣстной вѣроятности. Настоящая дикая лошадь, повидимому, водится еще только въ Средней Азіи, около озера Лобъ-Нора, гдѣ о ней слышалъ Пржевальскій" и т. д. Изъ этой выдержки видно, что въ противность предположенію г. Кеппена, — я своевременно ознакомился съ экземпляромъ тарпана, доставленнымъ въ 1884 году, въ Московскій зоологическій садъ, І. Н. Шатиловымъ, и принялъ во вниманіе результаты его осмотра и описанія.

Затѣмъ, въ указанной моей статьѣ, я перехожу къ обзору древнѣйшихъ слѣдовъ домашней лошади въ Европѣ. Слѣды эти „становятся вполне явственными только въ отложеніяхъ бронзоваго періода, когда лошадь одновременно служила и для питанія, и для работы. Такъ можно заключить по даннымъ, представляемымъ свайными постройками, въ которыхъ кости лошади болѣею частью также расколоты, какъ и кости другихъ дикихъ животныхъ, но въ которыхъ

встрѣчаются и многочисленныя удила изъ бронзы, а также и другія части конской сбруи и наряда. Эта лошадь свайныхъ построекъ отличалась небольшимъ ростомъ, широкою и короткою головою и стройными конечностями, чѣмъ подходила къ восточному типу лошадей, представителями коего могутъ служить арабская лошадь и другія азіатскія породы. Какъ показалъ Франкъ, всѣ европейскія породы лошадей могутъ быть распредѣлены по двумъ группамъ, изъ коихъ одна—болѣе крупнаго и тяжелаго склада, съ длинною головою—туземнаго, то-есть европейскаго происхожденія, тогда какъ другая, заключающая въ себѣ болѣе легкія и мелкія породы, съ широкою головою и стройными конечностями, ведетъ свое происхожденіе изъ Азіи.

Къ подобному же заключенію пришелъ извѣстный зоотехникъ Сансонъ, принимающій восемь расъ лошадей, изъ коихъ шесть—съ длиннымъ типомъ головы (долихоцефальнымъ)—европейскія, а двѣ—съ короткою головою (брахицефальныя)—родомъ изъ Азіи и Сѣверной Африки. Пьетреманъ, написавшій большое сочиненіе по исторіи лошади (*Pièturement. Les chevaux dans les temps préhistoriques et historiques. P. 1883*), принимаетъ, въ общемъ, то же дѣленіе, но опредѣляетъ иначе двѣ брахицефальныя восточныя расы, называя одну изъ нихъ („азиатскую“ Сансона) „арійскою“, а другую („африканскую“ Сансона)—„монгольскою“. Онъ предполагаетъ, что дикая лошадь была представлена нѣсколькими расами, распространенными въ Европѣ и въ Азіи, и что прирученіе ея послѣдовало въ различныхъ странахъ и независимо у различныхъ народовъ. Такъ монголы приручили одну породу, арійцы—другую, первобытныя племена западной Европы—еще нѣсколько. Съ распространеніемъ монголовъ и арійцевъ на западъ, стали распространиться и прирученныя ими породы лошадей, которыя въ Европѣ отчасти вытѣснили туземныя, отчасти смѣшались съ ними и образовали производныя породы. Всѣ эти выводы представляются довольно остроумными и вѣроятными, но во всякомъ случаѣ это не болѣе какъ гипотезы, которыя могутъ быть провѣрены только результатами сравнительнаго изученія современныхъ и ископаемыхъ породъ Азіи и Европы. Покуда въ этомъ отношеніи матеріаловъ собрано еще весьма мало, и мы принуждены довольствоваться отрывочными и то лишь въ послѣднее время установленными фактами. Одинъ изъ этихъ фактовъ—тотъ, что прирученная лошадь свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка относится къ другой породѣ, чѣмъ та дикая лошадь, остатки которой мы встрѣчаемъ въ дилuviальныхъ отложеніяхъ Европы, въ пещерахъ и открытыхъ стоянкахъ

эпохи мамонта и сѣвернаго оленя. Науманъ первый показалъ, что лошадь свайныхъ построекъ выказываетъ иной типъ, чѣмъ большинство современныхъ европейскихъ породъ, и что она представляетъ сходство съ арабскою расой, а также съ нѣкоторыми первобытными мелкими породами, сохранившимися въ болѣе глухихъ уголкахъ Европы, какъ напримѣръ съ такъ-называемой *Feldmochinger Pferd* въ верховьяхъ Дуная. Затѣмъ Стробель и Нигорини могли констатировать, что лошадь итальянскихъ террамаръ относится къ той же породѣ, какъ и лошадь свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка Швейцаріи и южной Германіи. тогда какъ Оуэнъ, Сансонъ, Туссенъ и Штудеръ—показали, что дикая лошадь палеолитическаго періода,—изъ отложеній Гренелли, изъ Солютрэ, изъ Брюникельской, Тайнингенской и другихъ пещеръ, даже изъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка,—представляла тяжелый и коренастый типъ и была очевидно сродни современнымъ породамъ першероновъ, арденскихъ и германскихъ лошадей. Основываясь на этихъ данныхъ, Штудеръ высказалъ мнѣніе, что домашняя лошадь свайныхъ построекъ не состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ дикою дилувіальною лошадыю,—мнѣніе, которое скоро было подтверждено точными и обстоятельными изслѣдованіями Неринга. Послѣдній, имѣвъ возможность сравнить многіе десятки лошадиныхъ скелетовъ и болѣе 200 лошадиныхъ череповъ (въ музеѣ Берлинской Сельско-хозяйственной академіи), могъ придти въ этомъ отношеніи къ болѣе убѣдительнымъ выводамъ, которые заслуживаютъ поэтому особеннаго вниманія. Нерингъ убѣдился, что дилувіальная дикая лошадь средней Европы представляла типъ тяжелой европейской лошади, и что отъ нея, несомнѣнно, ведутъ свое начало современные тяжелыя домашнія породы Европы, но что домашняя лошадь свайныхъ построекъ (бронзоваго вѣка) происходитъ не отъ нея, а отъ какой-то другой дикой расы, родственной современнымъ азіатскимъ породамъ (арабской, туркестанскимъ и др.). Впрочемъ, говорить опъ, изъ этого еще нельзя утверждать положительно, чтобы всѣ легкія, мелкія, короткоголовыя породы европейскихъ лошадей происходили изъ Азіи; возможно, что лошади такого типа встрѣчались и въ Европѣ въ дилувіальную эпоху, рядомъ съ дикими лошадьми болѣе крупнаго и тяжелаго склада. Въ пользу такой возможности говоритъ находка Фраасомъ остатковъ мелкой породы дикой лошади, въ родѣ пони, въ отложеніяхъ ледниковаго періода близъ Шуссенрида, въ Вюртембергѣ. Къ сожалѣнію, остатки эти описаны довольно кратко, и точныхъ размѣровъ костей у Фрааса не приведено“. Эта выдержка